

ГВОРГНІ ЮДИН

ПТИЦА СИРИН И ВСАДНИК
НА БЕЛОМ КОНЕ

Д



Наши традиции

Георгий Юдин

**Птица Сирин и
всадник на белом коне**

Издательство «Детская литература»

1991, 2018

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Юдин Г. Н.

Птица Сирин и всадник на белом коне / Г. Н. Юдин —
Издательство «Детская литература», 1991, 2018 — (Наши
традиции)

ISBN 978-5-08-005888-2

Сказочная повесть о непростой судьбе русского художника времён царя
Ивана Грозного, об испытаниях, горестях и радостях, выпавших на его долю,
об укладе городской и деревенской жизни той эпохи, о бытовавших тогда
поверьях и обычаях. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005888-2

© Юдин Г. Н., 1991, 2018
© Издательство «Детская
литература», 1991, 2018

Содержание

Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Георгий Николаевич Юдин
Птица Сирин и всадник на белом коне
Повесть-сказка

Моей маме

* * *

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

© Юдин Г. Н., текст и иллюстрации, 1991, 2018

© Оформление. АО «Издательство „Детская литература“», 2018

Глава первая



Давным-давно, когда после долгих войн и тяжёлых княжеских ссор столицей Руси Москва стала, сел на престол царь Иван, которого за жестокость народ Грозным прозвал. Но не о нём речь пойдёт, а о простом русском человеке – Егорки-мастере.

В стороне от Москвы, на берегу речки Весёлки, деревенька стояла. Чистенькая такая, нарядная. Дворики называлась. Здесь и родился Егорка.

Странный был мальчонка. Бывало, играют деревенские ребята в чехарду или в догонялки, а он побегаёт, побегаёт и вдруг замрёт посреди улицы.

– Ты чего встал, Егорка?

– Гляньте, – говорит, – закат-то какой, будто небо горит. И лягушки как распелись...

– Тьфу ты, невидаль! Лягушек не слышал! Ты, слышь-ка, или играй, или сейчас в пруд макнём.

А то ляжет в высокую траву и глядит на цветы неотрывно.

– Аль занемог, Егорка? – спрашивает его мать. – С самого утра лежишь, не шевелишься.

– Я, матушка, слушаю, как сок по травам бегаёт.

– Неужто слышно? – спросит мать ласково, посмотрит на него задумчиво и отойдёт тихонько.

А ещё любил Егорка рано утром, когда звёзды светлеют и слышно, как в саду яблоки в траву падают, птиц будить. Выйдет в огород и в свою дудочку тихонько так – фьють-фьють! А в ответ ему первая пичужка – «чиу!» За ней другая, третья, и весь сад запел, ожил!



– Расчирикался, воробей, – кричит бабушка Акулина на лавке, – без тебя, что ли, птицы не проснутся?

Но больше всего любил Егорка русские праздники, когда песни задорные поют, весёлые хороводы водят, ряженые по ночам страх нагоняют. Каждый праздник как сказка, с волшебствами, с тайнами. Тут уж никакой силой его домой не затащишь, прямо беда!

Вот хотя бы праздник Егорьев день, когда в первый раз после студёной зимы скотину на поле выгоняли. Был такой герой на Руси, Георгий-воин, Георгий-защитник, Егорий по-простецки. Крестьянам помогал, заступался, если надо, и скотину от беды охранял. В честь него и праздник назвали.

Вечером, накануне Егорьева дня, бабушка Акулина, как и все деревенские бабы, пекла «шишки», булки такие, и в каждую по шерстинке со скотинки вкладывала.

Утром рано Егорка с бабушкой корову и лошадку из хлева выгоняли не хворостиной кривой, а цветущей вербой. На землю перед хлевом отец замок железный клал. Через него скотина переступить должна и не зацепиться. Только тогда ворожба подействует – волку или медведю пасть крепко-накрепко запрет.



Потом всей деревней в поле шли. Клади на четыре стороны тридцать земных поклонов и просили: «Храбрый ты наш Георгий, упаси ты скотину нашу от огня, от воды, от лютого зверя, от ползучего змея и от волшебных стихов. Чтоб лютый зверь не слышал бы своими чуткими ушами рёву коровьего, блею овечьего и боялся бы голосу человеческого, и чтоб нечистая сила отталкивалась». Покормят скотину «шишками» и запоют, Георгия поторапливают:

Георгий, вставай рано,
Отмькай землю,
Выпускай росу
На тёплое лето,
На буйное жито,
Людям на здоровье!

А Георгий-то и сам в эту ночь не прилёт. Золотым ключом росу отпер и на землю выпустил, потом травы отпер и дал им расти. А как затрубит Георгий в свою золотую трубу, в ответ ему леса зеленеют.

* * *

Отец Егорки крестьянствовал, а для удовольствия своего звонарил. Знатный звонарь был! Такие переливчатые звоны на пяти колоколах игрывал – заслушаешься! Звон тот в самое сердце радостью входил, и душа добрела. В Москву на главную звонницу его сманивали, большие деньги сулили – отказался. «Уменье моё, – говорит, – деревня родная породила, для неё и стараться буду».

Вечерами, когда вся семья после тяжёлой работы в горнице собиралась, наступало для Егорки самое счастливое время.

Тихонько потрескивала неяркая лучина, вился к потолку смоляной дымок. На стенах таинственные тени шевелились, у печи бабушка Акулина чугунами гремела, и постепенно изба доверху наполнялась таким вкусным запахом свежего хлеба и топлёного молока, что толстый кот Терентий, позабыв про мышей, с паутиной на усах врывался в горницу и начинал беспокойно мяукать басом.



Отец лапти на всю семью плёл, мать за прялкой сидела, а Егорка прижмётся к её тёплой спине, в тёмное окно глядит замороженно и слушает, слушает мамкины истории сказочные:

– За семью глубокими морями, за семью высокими горами, там, где земля с небом встречается, лежит невиданная страна. Захочешь её на коне объехать – года не хватит. Люди там

трёхногие великаны с четырьмя руками, глаза и рот у них на груди. Нет в той стране ни вора, ни разбойника, ни завистливого человека потому, что полно там всякого богатства.

Течёт под той землёй красная река. Раз в год земля над ней расступается, и кто увидит это, прыгает в реку, пока земля не сомкнулась, хватает в воде что попало и наверх тащит. Камень оказывается драгоценным камнем, а песок – крупным жемчугом.

Родятся в том царстве разные звери. Есть петухи, на которых люди ездят. Есть птица Фёникс. В новолуние вьёт своё гнездо на пятнадцати дубах, приносит с неба огонь, сама сжигает своё гнездо и сгорает вместе с ним. А из пепла рождается червь, покрывается перьями и становится опять Фениксом и живёт пятьсот лет...



Медленно тают перед глазами Егорки тёмные стены избы, и вот уж не у печи он греется, а на тёплом розовом песке в той далёкой стране, а над ним неслышно качаются огромные, с колокол, красные и белые цветы, и в одном – птица Си́рин драгоценными перьями сверкает и поёт что-то тихое, сладкое, а лицо у неё мамкино...

* * *

Но вот однажды, в конце лета, когда хлеба спели, прибегает на рассвете из ночного Егорка, как снег белый, дрожит.

– Тятенька, – кричит, – проснись! Беда!

– Что, Егорка? Коня украли?

– Конница вражья на нас скачет! Блиско совсем!

Услыхал звонарь такое дело, как был в исподней рубахе, так и побежал на звонницу – народ поднимать. Успел только крикнуть, чтоб Егорка с матерью да бабкой Акулиной в подпол спрятались.

Взлетел птицей на колокольню – ах, мать честная! Враг окаянный вот уж – рукой подать! Тучей чёрной несётся, земля от тяжести прогибается!

Ахнул звонарь в самый большой тревожный колокол. Вставайте, люди добрые! Беда страшная, кровавая рядом!

Да поздно было.

Смерчем ворвалась конница в деревню. Кто схорониться успел, тот уцелел. А так всех ироды порубили да конями своими косматыми потоптали.

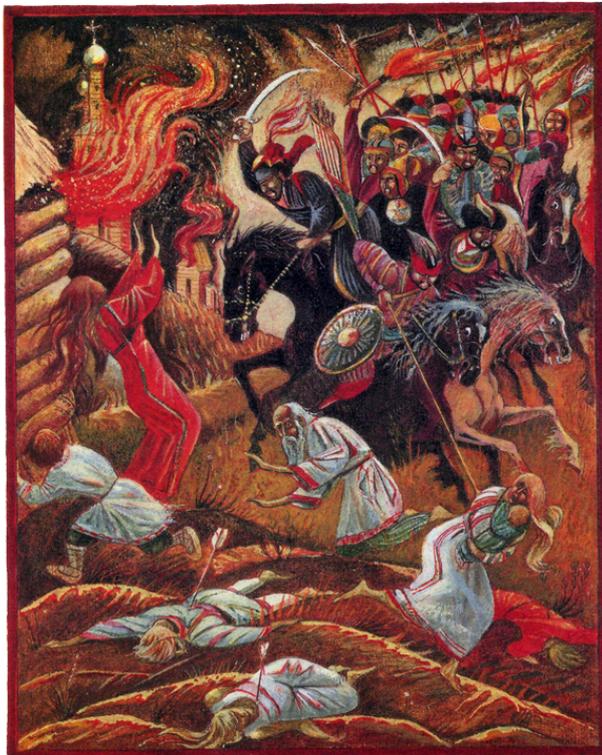


Мать не выдержала, с Егоркой на околицу выбежала: как там её родимый на колокольне, жив ли? Тут на неё и налетел вражина оскаленный. Только и успела толкнуть Егорку в лопухи да перед ним встать, как рассёк её зверюга саблей своей кривой.

А когда дикая орда на храпящих конях со свистом и криками в степь умчалась, побежал Егорка, чуть живой от ужаса, по кровавой улице, вдоль жарко горящих изб к колокольне, а под ней тятка его на земле мёртвый лежит, а в горле по самые перья стрела калёная.

Так вот и стал Егорка сиротой...

Эх! Сколько на Руси сирот было, сколько добрых людей погублено! Как только земля наша кровью не захлебнулась, чёрным дымом не изошла?..



* * *

От всей деревни одни печи с трубами остались. Всё сгорело. Увязли эти печи по грудь в чёрном пепле, длинные трубы, как шеи, вытянули и воют по ночам на ветру так протяжно и жутко – кровь стынет.

Собрали оставшиеся мужики да деды уцелевшие брёвна, сложили кой-какие избы. Брёвна-то от пожара почернели, избы вроде чёрных грачей на земле сидят. И стала деревенька Чёрными Двориками называться, а речка Весёлка – Горюнкой.

Мутной водой потекли для Егорки безрадостные сиротские дни. Сильно тосковал малец по своим родителям, как старичок стал. Молчит всё, думает или плачет ночью на печке. Бабушка его, Акулина, помирать было собралась, да повременить решила. Как же внучка одного в таком виде оставить можно?

Зима в том году лютая была, голодная. Кочевники-то весь хлеб на корню пожгли. Корой древесной да капустой кислой питались. Еле ноги таскали.



Одна радость у Егорки с бабушкой была – белая курочка каким-то чудом от набега уцелела. Худющая такая, но бойкая. Неслась даже иногда. Бабушка Акулина, хоть и голод, а яички те редкие к Пасхе, весеннему празднику, берегла.

– Давай-ка, внучек, – говорит она однажды, – яички красить. Подарим людям на праздник, всё им радость-то будет.

– А чем красить-то?

– Да чем всегда. Шелухи луковой или коры дубовой заварим, и будут у нас яички коричневенькие.

– Да что это за радость такая, бабушка, коричневые яйца дарить? Может, разноцветными их сделать?

– Это как же?

– А помнишь, тятке моему церковный староста краски на сохранность оставил? Аль попробовать?

– А чего ж, попробуй. – А сама рада-радехонька, что внучек очнулся от горя наконец.

Сбежал Егорка в подпол, где у них кой-какие пожитки от пожара сохранились, отыскал тот ящик деревянный. Краски все в порошках, в мешочки завязаны, на взгляд невидные. Как писать такими?

– Видала я, Егорка, как один иконописец порошки эти на желтке замешивал. Попробуй-ка, авось выйдет?

Так и сделал. Размешал порошки на желтке – вспыхнули краски ярко, засветились!

– Ой, бабушка, боязно начинать-то!

– Ничего, Егорка, не робей! Глаза страшатся, а руки делают!

Взял он белое тёплое яйцо и задумался. Чем же его украшать? Вспомнил, какие мать цветы красные на рубахе отца вышивала, и осторожно сам такой же цветок вывел, потом ещё один, а вокруг листочки маленькие, изумрудные. Заиграло яйцо, развеселилось. Как бабёнка в цветастом сарафане на ладони сидит.



За другое взялся. Теперь петухов красных с хвостами распушёнными нарисовал – как живые! На третьем – травы волшебные зацвели, запахи, потом кони тонконогие зарезвились, звери диковинные уши наострили.

– Ах ты, Господи, Егорушка! Откуда у тебя уменье-то взялось?

Знать, с отцовскими звонами малиновыми да сказками матушкиными красоту он в себя впитал, а теперь она пробудилась.

* * *

Как зима ни лютовала, а всё её весна одолела, слёзы лить заставила. Потекли эти слёзы ручьями, омыли сожжённую землю. Вздохнула земля, задышала тёплым паром. Весна пришла, а с ней и праздник весенний – Пасха.

Раньше-то бабушка Акулина пасхальные куличи пекла – хлеб такой сладкий с изюмом. Высокий, круглый, как гриб боровичок, а шляпка пудрой сахарной, будто снежком, присыпана. Если кулич в печи не растрескается – всё в семье хорошо будет, а, не дай Бог, не подойдёт или косенький какой выйдет – жди несчастья.

– Зачем ты, бабка, куличи так уобразишь? – спрашивал, бывало, сосед, дед Афанасий. – Не всё ль равно животу, чего есть?

– Твоему, может, и всё равно, а мой, сердешный, всю жизнь в темноте сидит, ничего не знает. Пускай поглядит, какая красота на свете бывает.

Да... А на этот раз куличи не из чего было стряпать.



Утром бабушка повязалась праздничным платочком, в белый узелок крашенки уложила, Егорку гребнем деревянным расчесала, и пошли они соседей поздравлять.

Перво-наперво зашли к деду Афанасию. Он с внучкой Машенькой жил. Тоже сиротой осталась. Мамку её в то страшное утро конники окаянные арканами опутали и за собой в степь волоком утащили. Отец с вилами в погоню бросился, двоих заколол. Да разве в одиночку с такой сворой совладаешь? На копыта его подняли...

Ну, поцеловались, по обычаю, с дедом и Машенькой три раза и яички расписные подносят. Дед аж руками всплеснул.

– Ай да Акулина, ай да мастерица!

– Да не я это. Егорка мой постарался.

– Да не может того быть, чтоб малец такую красоту навёл.

А Машенька – ей Егорка с петухами красными яичко поднёс – зарделась вся и за печку убежала стесняться.

Куда ни зайдут – смех, радость от их подарков. Хоть на день, а помог Егорка людям горе забыть.

* * *

Весна пришла, а Егорке с бабушкой легче не стало. Лошадь с коровой басурмане в степь за собой угнали – ни землю вспахать, ни молока попить.

Совсем отошал Егорка, на солнышке просвечивает, ну народ и решил его пастушком поставить, чтоб вовсе малец не пропал.

Собрали скотину со всей деревни: лошадь с жеребёнком, две козы да корова. Вот и всё стадо.

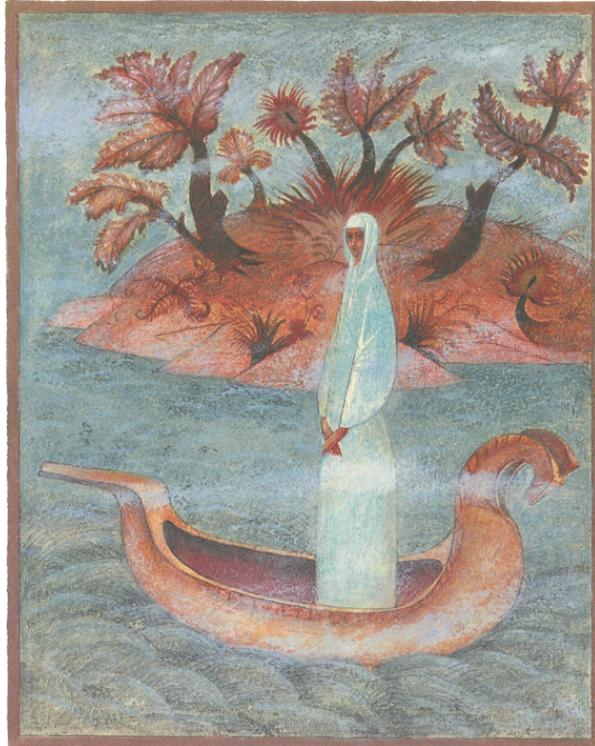
Рано утром, когда ещё земля в пуховый туман куталась, собирал Егорка по дворам своё стадо и на луга гнал. Кнут как положено сплёл, а вместо собаки кот Терентий сзади бежал. Выучился где-то хвост калачиком загибать – ну вылитая Жучка, только не гавкает! Долго он после пожара пропадал, потом явился худющий, как скелет, шерсть в подпалинах, а усов и вовсе нет – сгорели.



Вот раз пришли они всей компанией на берег речки Горюнки. Корова с козами траву молодую принялись щипать, а лошадь с жеребёнком в воду по грудь зашли, пьют. Жеребёнок к матери жмётся, как дитя малое, а та его мокрой мордой по спине поглаживает, чтоб не робел.

Туман над рекой белый-белый, то совсем их заволочёт, то хвост один оставит, а то и вовсе вдруг одна лошадь с двумя головами стоит – большой и маленькой.

Глядел на них Егорка, глядел и не заметил, как задремал. И видит он: выплывает тихо из тумана узкая ладья. Борта резные, нос двумя головами лошадиными украшен, а посередке женщина в длинном белом сарафане стоит и улыбается печально так.



Смотрит Егорка пристально, никак не поймёт – кто это? Туман мешает.

А ладья уже мимо неслышно, как перо по небу, проплывает. И вдруг женщина эта глянула на него и тихонько спрашивает: «Помнишь ли меня, сынок?»

Вскрикнул Егорка, вскочил на ноги, а ладья метнулась от него испуганно, и не ладья это уже, а серая утка громко крыльями захлопала и пропала в тумане!

Очнулся Егорка, лицо от слёз мокрое. «Матушка, – шепчет, – ведь это ты была?»

На память о том сне несколько дней подряд, не разгибаясь, вырезал Егорка из неподатливого берёзового поленца волшебную ладью с двумя лошадиными головками впереди. Когда середину выдолбил, нарвал хвоща и жёсткими его стеблями зачистил всё до блеска. А вечером рассказал бабушке Акулине про свой сон и ладью на стол поставил. Бабушка бережно взяла её в руки, погладила и говорит:

– А ведь у тебя, Егорка, знатный ковшик получился. Как попьёшь из него, так и мамку помянешь.

Долго в ту ночь Егорка на лавке ворочался. «Хорошо бы, – думает, – таких ковшиков всем вырезать, у кого родных порубили».



Так и сделал. Всё лето строгал, резал, зачищал.

Вот собралась деревня на братчину, родных поминать. Пиво всем миром, по обычаю, сварили, тут Егорка и поднёс всем по ковшику. Мужики одобрительно кряхтят, на чистую работу дивятся, а бабы прижали подарки к груди, ревут, смущённого «мастера» в русую макушку целуют.

* * *

Веселее жизнь пошла у Егорки, дело нужное и полезное появилось. Выучился ложки резать. Маленькие с витым стеблем и росписями весёлыми – для ребятишек, большие с медведем резным – для мужиков, самые большие половники с яркими узорами – для хозяек, а на всю семью – солоницу с богатой резьбой и откидной крышкой. Соль на Руси уважали, на самое почётное место солоницу ставили.



Из других деревень про Егорку прослышали, приходиться стали за его ложками, ковшами и солоницами. Никакой платы он не брал – так отдавал. Но однажды осерчал на него дед из соседней деревни.

– Что ж ты, – говорит, – от моего мёду отказываешься? Ты ведь не для себя ложки-то режешь? Так и я не для себя ульи держу. Ты погляди на пчёл: одна цветок разведывает, другая мёд с него по капельке тащит, третья соты лепит, четвёртая улей прибирает. Все друг для друга стараются. И человек так же должен.

С каждым годом всё больше и больше народу к Егорке приходиться стало. Теперь уж не просто берут то, что он сделает, а своё заказывают. Кому блюдо праздничное для пирогов вырежи, кому ковш трёхведёрный корневой – из корня, значит, – а кому сундучок для приданого.

Иной раз столько заказчиков набьётся, что, того и гляди, избушку развалят.

– Может, нам новую избу срубить, а, бабушка? – спрашивает как-то Егорка.

– А чего ж, сруби. Отец твой тоже сам рубил.

Стал Егорка крепкие сосновые брёвна припасать, чтоб изба тёплая была. Не для лета ведь изба рубится – для зимы.

Место на пригорке облюбовал, хотел уж было за работу приниматься, да бабушка велела погодить чуток.

– Выкопай-ка, – говорит, – четыре ямки, где у тебя углы будут. Узнать надо, не занято ли это место чёртом?

Удивился Егорка, но ямки выкопал. Бабушка Акулина в каждую ямку по деревянному стаканчику воды поставила и краюшкой хлеба накрыла. Наутро посмотрели – ничего не опрокинуто. Значит, свободное место, можно строить.

Одному вовек бы Егорке избу не поставить, пол-деревни помогать пришлось. Топоры застучали, полетели весёлые стружки, смолой запахло. На глазах изба поднимается. А дед Афанасий на завалинке сидит, бабушку Акулину подзуживает:

– Избу крой, песни пой, а шесть досок на гроб припасай.

– Ну и припасай, коли помирать собрался. Это дело попроще, чем избу-то ставить. Лёг, зевнул и ножки протянул.

К вечеру последний, пятнадцатый венец избы вывели и стропила поставили. В языческую старину у входа дома зарывали конский череп. Он оберегал от злых духов и был выкупом за срубленные для строительства дерева. Теперь же черепа не зарывали, но, по обычаю, Егорий на другой день вырезал из дерева голову коня и на конце верхней балки крыши укрепил. Оттого она до сих пор коньком называется.

Потом бабушка кота в избу пустила. Он проверить должен, не влезла ли туда нечистая сила. У кошек нюх на неё, если учует, начнёт лапой в воздухе ловить. Ну, Терентий вошёл степенно, по-хозяйски всё проверил, все углы обнюхал, ничего не обнаружил и повалился на пол по стружкам кататься. Значит, можно новоселье справлять.

Целый год Егорий избу свою украшал, каждую доску любовно отделывал, оттого не изба деревенская, а теремок сказочный получился. Столбы на крыльце витые, на лобовой доске над окном две берегини – русалки хвостатые – счастье в доме берегут, а под коньком два льва улыбаются. Издалека видно, что гостям здесь рады будут.



А гости уж на пороге. Приходят, дивятся, и вот уж у одного новая изба закладывается, у другого. Кто без затей строил, а кто под Егория узорил. Из Чёрных Двориков опять деревня просто Двориками стала.

* * *

Раньше всех деревенский петух просыпается. Работа такая – день начинать. Три раза надо кукарекнуть. В первый раз горло прочистить, во второй – народ разбудить, в третий – с лавок согнать.

Егорий с первого кукарека уж на ногах и бегом на луг – росой умываться.



Только что это солнышко какое-то чудное сегодня? Переливается всеми цветами, искрится, погрузится в речку, искупается и снова появляется! Так и скачет туда-сюда.

– Да ведь Иван Купала нынче! – вспомнил Егорий и давай по мокрому лугу жеребёнком носиться. Больно праздник хороший пришёл.

На Ивана Купалу самый длинный день с самой короткой ночью встречается, травы и растения тяжелеют, соком наливаются, начинают плоды созревать и наступает важное крестьянское дело – жатва.

К жатве особо готовились. В ночь на Ивана Купалу через большой костёр купальский перепрыгивали, чтоб огнём очиститься, порчу и заговоры оттолкнуть, а главное – здоровья и задору перед жатвой набраться.

С утра девушки над купальским деревом хлопочут. Молодую берёзку срубленную нарядными лентами, цветами и травами украшают. А парни костёр на бережку складывают и всё берёзку ту, купальскую, отнять и поломать, по обычаю, пытаются. А девушки хохочут, убегают и обидные песни поют:

Ой, на Купалу огонь горит,
А у наших парней живот болит!

Пускай болит, пускай знает,
Пускай Купалу не ломает!

Вечером собралась вся деревня – и стар и млад. Нарядились в самое лучшее, яркое. Шум, песни, хохот повсюду. Старики со старушками тоже веселятся, от молодых не отстают. Дед Афанасий и дед Михей у костра мудруют, древним способом огонь добывают. Кряхтят, крутят палочку меж ладоней, а палочка на деревяшку сухую поставлена. От усердного трения деревяшка задымила, затлела, а когда мха сухого подсыпали, огонёк молоденький народился. Только таким огнём и можно купальский костёр запаливать.

Взвился огонь, лизнул небо да как стрельнёт искрами во все стороны! Страх! Не отскочишь – спалит.

Гудит костёр, жаром пышет, и жутко и весело всем. Ну теперь, взявшись за руки, через костёр прыгать надо, да не с кем попало, а с тем, кто тебе люб. Если руки у молодых не разойдутся да вслед искры полетят, то поженятся они обязательно.



Всё от костра ярким светом залито, а в нём ленты и сарафаны жёлтые, красные, васильковые переливаются, как в сказке волшебной. Венки на головах девичьих словно короны царские, а глаза горят, глянешь – обожгут!

Красивые все, а ни одна Егорию не мила.

Подходит к нему Марьюшка. Сарафан на ней красный, а щёки от смущения пуще сарафана пылают.

– Пойдём, Егорий, прыгнем, а? Ты не подумай чего. Мне одной боязно.

Усмехнулся Егорий, однако за руку её взял, разбежались и птицами через костёр жаркий перелетели.

А руки-то и не разошлись и искры им вдогонку пчёлами огненными метнулись! Ну народ это приметил и давай кричать:

– Жених да невеста!

Марьюшка совсем засмушалась, руку вырвала и убежала под хохот.



Как огонь помаленьку стихать стал и звёзды на тёмном небе ярче загорелись, понесли девушки купальское дерево в речку бросать, чтоб влагой его напоить и дождь на землю вызвать. Плывёт Купала по тёмной воде, а за ним венки девичьи в лунном свете покачиваются. Куда венки приплывёт, там и суженый ждёт, а утонет венки – быть беде. Слава Богу, ни один не утонул, все уплыли.

Замужние бабы венков уже не кидали, а пошли с мужьями да родителями в бане париться. Для бани специальный веник у каждого был припасён, пахучими травами и цветами яркими связанный.

А молодёжь только того и ждала, когда старшие уйдут. Поскидали одежду и с хохотом в речку – бултых! Плещутся, озоруют, визжат, вылезать не торопятся. Вода-то в эту ночь особая, живительная: в ней солнышко купалось.

Девушки в воде ещё краше стали, кувшинками расцвели.

А где же Марьюшка?

Все из воды вышли, а её нет. Тревога Егория взяла. Не утонула ли? Поспрашивал – говорят, видели, в лес пошла.

Бросился Егорий за ней. Мало ли чего в лесу в такую темень случиться может! Бежит, по сторонам поглядывает. Нет Марьюшки! Тишина вокруг зловещая, словно затаился лес.

Вдруг чёрный сыч над головой как ухнет, как захохочет – и лес ожил. Ветра нет, а листья зашевелились, ветки заскрипели, деревья закачались, с места сдвинулись и на Егория пошли! Холодом Егория охватило, страх все позвоночки пересчитал.

Вспомнил, сказывала бабушка, что в ночь на Купалу чудеса всякие случаются. Не верил, а гляди – так оно и есть! Чудится, будто лапы мохнатые из-за деревьев к нему потянулись, длинные, когтями вот-вот за горло схватят. Бормотание какое-то, говор слышен, огоньки бледные в темноте звериными глазами мерцают.

Споткнулся Егорка о скользкий корень, а может, тот корень сам его за ногу зацепил, и со всей моченьки в кусты затрещал. И тут впереди кто-то как вскрикнет, и всё смолкло разом. Вроде Марьюшкин голос.

Куда страх у Егория делся!

Бросился, не разбирая дороги, к тому месту. Сердце колотится, сучья по глазам хлещут, лицо в кровь царапают – успеть бы!

На лунную поляну выскочил, а там Марьюшка бездыханная лежит, папоротник в руке держит. Подкосились у Егория ноги, на колени упал, голову ей на грудь уронил. Только слышит, бьётся сердце-то, жива Марьюшка!



Волосы с лица её отвёл и ахнул. Вроде бы встречал каждый день и не замечал в ней ничего такого. А тут будто впервые увидел, до чего хороша! То ли ночь волшебная Марьюшку краше сделала, то ли Егорию глаза новые подарила.

Не удержался Егорий – да разве тут удержишься? – да и поцеловал её в горячие губы. Дрогнули у Марьюшки ресницы, открыла глаза широко.

– Ох, Егорка! Напугал как! Ты зачем здесь?

– А ты?

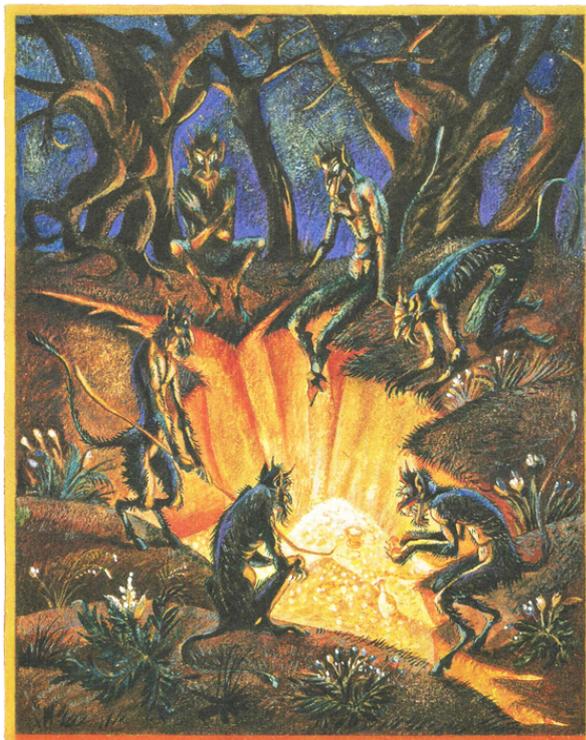
– Цветок волшебный искала. Нарассказывал мне дед, что, мол, расцветает в купальскую ночь цветок папоротника, один во всём лесу. Кто его сыщёт, тому он место укажет, где сокровища несметные сокрыты. Их бесы на просушку из-под земли поднимают, а сами вокруг стоят, караулят. Ты, мол, подходи, не бойся. Кинь в них цветок-то, они и замрут, как истуканы. Тогда

клади золото в подол, сколько дотащишь, да только слушай: как затрещит в лесу, захрапит – это, значит, огненный конь по лесу мчит, тебя топтать хочет. Бросайся тогда наземь и не шевелись. Как бы близко он от тебя на дыбки ни встал, как бы огнём ни палил, не открывай глаз. Он устанет и уйдёт, а золото твоё будет.



– Зачем тебе столько золота?

– Да не за золотом я шла, а на чудо посмотреть. Неужто бывает такое? Ну, иду, значит, ни жива ни мертва, жутко одной-то, но цветок ищу. Вдруг сзади кто-то как ухнет и давай ко мне по кустам продирается! Ну, думаю, ещё и цветка не нашла, а уж конь огненный на меня несётся! Вот и повалилась на землю от страха... Чего смеёшься-то?



А Егорий хохочет, по траве катается:

– Ой, не могу! Да ведь это я к тебе через кусты продирался! Ой, умру, ой, не выживу!
Насилу успокоился, сел, слёзы утёр:

– Так и не нашла, значит, цветка-то?

– Нет...

– А я нашёл.

– Да ну?! Покажи!

– А закрой глаза.

Закрыла она глаза, а Егорий поднял с земли Марьюшкино зеркальце, к лицу её поднёс.

– Гляди! Вот он, мой цветок!

Ахнула Марьюшка, спрятала лицо в ладонях и заплакала. Ну что ты будешь с ней делать?!
Словно волна горячая всю душу Егория окатила.



Обнял он её ласково.

– Что ж плачешь? Или не люб я тебе?

– Да люб, давно люб! От радости плачу. Ведь ты с утра до ночи только на краски свои лобуешься, а меня и не замечаешь вовсе!

– Нет, Марьюшка. Меня краски эти красоту понимать научили, тебя разглядеть помогли. Пойдёшь ли за меня?

– Позови только – всё брошу, уйду с тобой. Да боюсь, дед заупрямится. Он всё богатых женихов высматривает.

– А мы к нему бабушку Акулину свахой пошлём. Она с ним быстро совладеет.

На рассвете в деревню пришли. Всё шептались про счастье своё будущее. Целовались, конечно, не без этого.

Петухи запели, когда Егорий в избу мышкой шмыгнул. А бабушка уж с веником поджидает.

– И где ж ты, окаянный, целную ночь прошастал?! Я не погляжу, что здоровый, выдеру вот веником.

Обнял Егорий с улыбкой свою старенькую бабушку, как медведь её, сухонькую, облапил, она и притихла.

– Ну, сказывай, где был-то?

– За цветком волшебным бегал.

– Нашёл?

– Нашёл, бабуля!

– Да где же он?

– А по соседству, у деда Афанасия покуда оставил. Пойдёшь Марьюшку за меня сватать?

Охнула бабушка, на лавку села.

– Слава тебе, Господи! Собрался наконец. Я уж думала, ты блаженный какой, на девушек не глядишь, всё работаешь. Ну что ж, Марьюшка невеста хорошая, тебе под стать. И красавица, и рукодельница. Сейчас и пойдём свататься.

– Может, к вечеру сходим? Вдруг дед откажет – стыду не оберёшься.

– Отказ не обух – шишек на лбу не ставит.

Но всё ж порешили вечером идти, на всякий случай. Нарядились в праздничное. Егорий, как рубаха его холщовая, белый весь – волнуется!

Когда к Афанасию пришли, Егорий совсем оробел. Стоит в горнице перед иконой в красном углу, крестится, а у самого руки дрожат.

Марьюшка из избы сразу вон выбежала, в сеннике спряталась. Дед, конечно, мигом смекнул, что к чему, но вида не подаёт.



Сели на лавку чинно, разговор завели издалека.

– Растёт у тебя, Афанасий, цветочек аленький, а у нас садовник славный сыскался.

– Это вы про кого, про Марьюшку, что ли? Э, нет, гости дорогие! Поищите для своего садовника другой садочек.

– Что так? Аль жених плохой?

– Да нет, соседushка, невеста у нас никудышная! Такая красавица, как в окно глянет – конь на дыбки встанет. Во двор выйдет – три дня собаки лают! У неё, видишь ли, по секрету скажу, глаза как лукошки, на голове рожки, рот до ушей, хоть завязки пришей! Но зато на обе ножки прихрамывает, горбом туды-суды покачивает.

– Ой, уморил, дед! – хохочет бабушка. – Да ведь это ты себя обрисовал! А Марьюшка у тебя – загляденье! Да и жених наш хоть куда! Руки золотые, а самому молодцу цены нет.

– Да, богатство у вас, конечно, большое. Два веника в коробке да мышка в мешке.

– Это правда. Денег ни гроша, зато слава хороша. Сам ведь знаешь, какой у нас Егорий мастер. Были б руки, а богатство придёт! Внучке твоей у нас хорошо будет.

– Ага. Видела баба кисель во сне, да ложки не было.

Тут уж Акулина осерчала:

– Ты чегой-то, старый хрен, как ёрш топорщишься?! У самого-то в сундуке от рыбы пух да крылья от мух! Гляди, к другим пойдём!

– Вот-вот. Стали щуке грозить – хотят её в реке топить.

– Глянь-ка, Егорий, на щуку эту беззубую! Ужас охватывает, прости, Господи! Только вот я тебе что, Афанасий, скажу. Хоть и хочешь ты себе щукой казаться, а сердце у тебя всегда мягче воска было. Все бабы в деревне про это знают.



Ну, дед тут и растаял, как лёд на солнышке.

– Ох и хитра ты, бабка! Мужик клином, баба блином, а доймёт! Ну, чего тут калякать, пора свадьбу стряпать.

Марьюшку кликнули. Стала потупившись, передник теребит.

– Пойдёшь ли за Егория, внучка?

– Отпустишь, дедушка, – пойду.

– Ну и славно! Только свадьбу на Масленицу справим. А то знаешь, как бывает, кумишься, сватаешься, а проспишься – спохватишься. А ты, Егорий, пока невесте подарок готовь. Погляжу я, как ты для неё постарайся.

Стал Егорий раздумывать: что бы такое невесте подарить? Чтоб красивое было, нужное и при ней навсегда находилось, о нём напоминало.

Ничего в голову не идёт!

Раз как-то пошёл он в одну избу, где девушки посиделки устраивали. Сидят девушки по лавкам, пряжу прядут, песни поют, хохочут.

И Марьюшка здесь же.



Сел Егорка в сторонке, глаз отвести от неё не может, работой её любит. Так ладно да споро прядёт, никто угнаться не может, хоть и прялка у неё похуже всех была. Скрипучая, шатучая, на сторону валится, того и гляди, рассыплется. Одно слово – прабабушкино наследство.

«Вот какой подарок-то надо изготовить, – востепенулся Егорий, – и вещь полезная, и при Марьюшке всегда будет».

На другой день пошёл в лес липу для прялки рубить. Липа дерево мягкое, нежное, что хочешь из неё вырезать можно, не треснет, да и цветом хороша – золотистая.

Вот идёт он бережком, а по речке белая лебедь плывёт величаво. Шея гибкая, гордая, головка словно точёная, красавица!

«Вот как сделать-то надо! – любитесь Егорий. – Чтоб не просто прялка была, а лебёдушка».

Срубил он в лесу подходящую липу, а чтоб она не растрескалась, кору не стал обдирать и торцы глиной обмазал.

Как только просохла липа хорошенько, принялся рубить донце – широкую доску, на которую пряжа садится. На конце донца выступ сделал с гнездом. В него то гребень, то стояк для пряжи вставлять можно, а стояк, на маленькое весло похожий, из крепкого клёна вырубил. Обстругал всё хорошенько, зачистил – дерево зазолотилось, засияло. Не прялка – птица лёгкая, ни у кого такой нет! Красивая, а чего-то не хватает!

«А что, если резьбой да красками её изукорить?» – думает Егорий. Вырезал на донце тонкие линии, на концах завиточками закруглил. Потом солнышки под ножом зажглись, листья сказочные зашелестели, диковинные цветы зацвели.

А Егорий хмурится: опять ему не нравится!

Во двор вышел, там у него чурбан дуба морёного лежал. Расколол его на тонкие дощечки, из них два коника чёрных с крутыми шеями выстругал и в донце между цветов врезал. Сели без клея, как тут были, не выковырнешь. Но всё ж для верности дырочки просверлил и жёлтые липовые гвоздики загнал, да не где попало, а где глаза и по сбруе. Сразу ожили коники, сбруей зазвенели, глазами закосили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.